Александр Алексеевич Богданов

Максим Горький и начинающие писатели

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«В ряду наших больших писателей есть один, никем до сих пор не превзойденный по своему воздействию на пролетарско-крестьянскую литературу, это – Максим Горький. Речь идет в данном случае не только о художественной значимости произведений М. Горького, но, главным образом, о его личных непосредственных указаниях и советах, которые он давал и дает начинающим авторам…»

- Александр Алексеевич Богданов
-
-

Александр Алексеевич Богданов
Максим Горький и начинающие писатели

[1]

В ряду наших больших писателей есть один, никем до сих пор не превзойденный по своему воздействию на пролетарско-крестьянскую литературу, это – Максим Горький. Речь идет в данном случае не только о художественной значимости произведений М. Горького, но, главным образом, о его личных непосредственных указаниях и советах, которые он давал и дает начинающим авторам. Эти советы и переписка Горького являют изумительный пример, какого до сих пор не знала ни одна литература в мире.

Целый ряд писателей, громких и неизвестных, старых и молодых, пролетарских и так называемых попутчиков – начиная с Ф. Гладкова и кончая И. Бабелем или Всев. Ивановым – свидетельствуют о том громаднейшем влиянии, какое имел М. Горький на их творчество. Вот что, например, писал о М. Горьком Леонид Андреев – знаменитость своего времени:

«Пробуждением истинного интереса к литературе [2] , сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому… Знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя, как для писателя, величайшим счастьем, и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного М. Горького, – исключительно верного друга литературы и литератора».

То же самое могли бы сказать многие и многие из современных писателей.

Да, правильно: пролетарская литература зарождалась в цепях и нищете. В только что изданной брошюре для рабселькоров и военкоров – «О том, как я учился писать» – М. Горький напоминает, что прежде приходилось работать «в условиях невыразимо трудных, при глубоком невежестве „общества“, враждебном сопротивлении церкви, своекорыстии капиталистов, при капризных требованиях „меценатов“ – „покровителей науки, искусства“».

Добавим к этому – жестоки были и внешние материальные условия для всех, кто от станка или сохи захотел бы пробиться на путь литературы. Немногие дошли до цели, а про большинство

можно уверенно сказать, что они или погибли, или, во всяком случае, не использовали, как надо, богатых возможностей своего дарования.

Единственной организацией, которая в жестокие дни прошлого серьезно взяла на себя задачу объединения и воспитания пролетарских писателей, была нелегальная большевистская организация с газетами «Правда» и «Звезда». Тесные, маленькие редакционные кабинеты стали школой, где рабкоры фабрик и заводов учились писать. Учителя – А. И. Елизарова, К. С. Еремеев, В. С. Попов, К. Н. Самойлова и другие партийцы. А за стенами редакции так называемая «большая литература» представляла, в общем, затхлый замкнутый цех. И единственным, кто широко и неизменно работал наряду и вместе с газетой «Правда», был М. Горький.

Руководящая деятельность М. Горького началась еще в конце 90-х годов, в первый период его бурно растущей славы. В Петербурге стал издаваться марксистский журнал «Жизнь». В числе лиц, принимавших близкое участие в редакции, значился популярный тогда М. Горький, хотя он и не жил в Петербурге. Редакция пересылала ему почтой произведения авторов; возможно, что некоторые авторы и сами непосредственно обращались к нему. Между прочим, секретарь редакции С. С. Штейнберг послал М. Горькому мои стихи и прозу, рассказы из учительской жизни: «Страничка счастья» и «Наваждение».

Помню полученные мною рукописи, прочитанные М. Горьким с необычайным вниманием: крыжики на полях против слабых мест, замена одних неудачных слов другими. Между строк несколько исправлений прямым и четким горьковским почерком, бисерными, зернистыми буквами.

Революционная борьба 1905 года вызвала подъем художественного творчества среди рабочих и крестьянских масс и еще более приблизила М. Горького к работе с начинающими авторами. «За время 1906-10 годов [3] , – рассказывает М. Горький, – мною прочитано более четырехсот рукописей, их авторы – „писатели из народа“. В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но – в них запечатлены живые человечьи души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чем думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы…

Я внимательно, как только мог, прочитал все эти тетрадки серой бумаги, экономно исписанные непривычными к перу руками, сделал из них выписки тех мест, которые наиболее поражали меня, сделал выписки из писем авторов…»

Сводка, данная М. Горьким, чрезвычайно интересна. Большинство пишущих принадлежало к рабоче-крестьянской массе. Из 348 авторов проживало: на заводах, железнодорожных станциях, в фабричных поселках и деревнях – 169, в уездных городах – 44, всего 213. Из них было 114 рабочих, 67 крестьян и 56 прочих профессий – сапожники (9), дворники (6), швеи (5), солдаты, сторожа, извозчики и т. д. В числе прочих были 2 проститутки и 4 каторжника.

Уже самый состав обращающихся к М. Горькому чрезвычайно показателен и говорит о том, как был дорог и близок этот писатель и его творчество трудящимся и обездоленным массам. А о беспримерной внимательности М. Горького ко всем обращающимся к нему свидетельствует хотя бы такая подробность. Он не ограничивается простыми ответами, а горячо волнуется по поводу дальнейшей судьбы обращающихся к нему. В вышеупомянутой статье он пишет про одного из авторов: «Этот – сгорел [4] : письмо, посланное ему, возвращено с отметкой: „за смертью адресата“. По поводу другого (кладбищенского сторожа) он в примечании говорит: „Если автору [5] этого четверостишия попадется на глаза моя заметка, я убедительно прошу его сообщить мне – куда ему писать. Письмо к нему и рукопись возвращены „за ненахождением адресата“, книга и снимки с картин – тоже, хотя были посланы по другому адресу, на Пензу“. Наконец, он в течение ряда лет принимает участие в судьбе третьего – И. Тачалова, которого называет „человеком страшной жизни“».

«В истории мировой литературы [6] мало примеров, когда великий писатель уделяет много внимания и времени подрастающему писательскому молодняку. Максим Горький в этом отношении – явление совершенно исключительное. Приходится удивляться тому, с каким терпением и вниманием прочитывает он рукописи молодых авторов. И как велика его радость, если среди массы незрелых, неумелых работ попадается яркая, талантливая вещь».

В 1914 году под редакцией М. Горького вышел «Первый сборник пролетарских писателей». В сборнике объединен ряд авторов, часть которых потом работала в Пролеткульте, «Кузнице» и хорошо знакома читателям (М. Герасимов, Самобытник, И. Филипченко и др.).

В предисловии к этому сборнику М. Горький писал; «Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал – с великим трудом и огромными жертвами – свою ежедневную прессу.

Это убеждение выросло на почве долголетних наблюдений

моих за усилиями, которые сотни и сотни рабочих, ремесленников, крестьян упрямо тратят в попытках изложить на бумаге свои думы о жизни, свои наблюдения и чувства».

М. Горький оказался прозорливцем.

Возвратившись в Россию, М. Горький становится во главе журнала «Летопись». Это было в разгар шовинизма и свистопляски вокруг империалистической войны. Но уже в глубинных недрах страны бурлили скрытые революционные шквалы.

М. Горький поселился тогда, кажется, на Кронверском проспекте. Я был у него. Болезнь мучила его. Физически он чувствовал себя плохо, кашлял, но внутренне – горел. Разговор шел о журнале «Летопись», о настроениях в стране… Я понял, что главная задача М. Горького – объединить вокруг себя все бодрое, живое, революционно действенное.

«Летопись» в развитии революционной борьбы сыграла не малую роль.

Не останавливаюсь на дальнейших фактах деятельности М. Горького. Они еще так свежи и всем нам хорошо известны. Скажу только, что М. Горький все время оставался нашим другом и художественным руководителем. Без преувеличения можно сказать – среди писателей-современников, сложившихся в первый период после революции, очень многие обязаны М. Горькому как учителю и незаменимому товарищу.

В чем же заключается секрет могучего влияния М. Горького на авторов, почему он со своим ярким талантом не замкнулся в скорлупе творчества, а распространяет свои лучи и тепло вокруг, отрывает от себя частицы, чтобы дать их другим?

Ответ на это – в характере самого М. Горького. Он – человек действия, жизни, революционной практики…

«Сам выйдя из того ада [7] , который называется у нас жизнью народной, пройдя все девять кругов мытарств и страдания, полагающихся по законам нашего общества на долю среднего пролетария, М. Горький вынес оттуда крик бездонного горя», – писал о М. Горьком В. Боровский.

Вот где источник его связи с массами – понимания их, борьбы вместе с ними за освобождение, за все то, что когда-то в прошлом столетии такой же беспокойный искатель правды, Чаадаев, называл «выпрямлением личности».

Горький – романтик. Но Горький – представитель, выражаясь его словами, «активного романтизма», то есть того романтизма, который «…стремится усилить волю человека [8] к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее».

То, что М. Горький писал в «Песне о Соколе» или в легенде «О прекрасном Данко», сердце которого горело для других, для человечества, – есть только частица самого писателя.

Горький целостен в своих чувствах и взглядах. Он любит человека и человеческое; мало сказать, любит, – уважение к человеку у него на первом месте. В своем письме к литкружку профтехнической школы Покровска он пишет:

«Уважение писателя к человеку [9] как источнику творческой энергии…»

«…активная ненависть писателя ко всему, что угнетает человека извне его, а также изнутри…»

А отсюда – любовь к литературе, вернее – любовь и уважение к литературе, потому что для Горького литература и человек неотделимы:

«…факты жизни и литература [10] сливались у меня в единое целое. Книга – такое же явление жизни, как человек, она – тоже факт живой, говорящий, и она менее „вещь“, чем все другие вещи, созданные и создаваемые человеком».

В распространительном понимании человечности, в активном романтизме и лежит главный побудитель редкостно внимательного отношения М. Горького к товарищам-писателям, его веры в народ, в трудящихся. По поводу сборника стихов поэтов-самоучек, изданного в Москве в 1909 году, М. Горький писал: «… я говорю не о талантах [11] , не об искусстве, а о правде, о жизни, а больше всего – о тех, кто дееспособен, бодр духом и умеет любить вечно живое и все растущее благородное – человечье».

Вот мерка для сравнения и оценки паразитствующих верхов, с одной стороны, и трудящихся, людей, сброшенных колесом истории вниз, – с другой. Надо помнить, что все это было писано в злейшие дни реакции, когда значительная часть интеллигенции изменила делу революции, бросила подполье (ликвидаторы) и стала погрязать в трясине мещанства и обывательщины.

Теперь понятно, почему в своей статье «О писателях-самоучках» М. Горький особенно выделяет те места, где авторы говорят *«о необходимости в людях уважения друг ко другу* и о том, что отсутствие этого чувства в человеке служит преградою делу освобождения людей». Это «бодрое», дееспособное и часто восторженное настроение большинства пишущих он противопоставляет нытью испуганной и разочарованной интеллигенции:

«…в литературе печатной – настроение покаянное, подавленное, анализирующее и пассивное, в литературе писанной – настроение активно и бодро». Пусть эти писанные

рассказы слабы, наивны, идеалистичны и т. д. Но «надо почувствовать то, что лежит под их наивными рассказами, понять, чем вызваны эти длинные, неуклюжие повести, написанные трудным почерком, разбирать который устают глаза, и тогда станет ясна крепкая вера этих духовно здоровых людей в торжество Добра, разума и правды».

С присущей ему прямотой бьет он по головам нытиков и упадочников из интеллигенции.

«…хотелось бы сказать: „Господа, если вас тошнит, не выбегайте на улицу во время этого процесса, по улице живые, здоровые – новые люди и дети ходят, и юноши, а им вредно смотреть, как вас вывертывает!“»

«… А из уважения к себе – не кричи, не стенай и, если пришло время умирать – умри в одиночестве, это и красивее и гигиеничнее».

Какие драгоценные крупицы даны в этих строках для начинающих писателей нашего времени, потому что и сейчас нередко «судороги» упадочничества заразительно портят молодежь.

И еще опасность, отмеченная М. Горьким: «героически» настраивающееся мещанство наших дней.

В недавние дни своего пребывания в Москве, на вечере, устроенном федерацией советских писателей, а также и на других собраниях, касаясь задач современного писателя, М. Горький говорил о «реальном враге» – «благополучном мещанине» наших дней, который «довольно успешно начинает [12] строить для себя дешевенькое благополучие в стране, где рабочий класс заплатил потоками крови своей за свое право строить социалистическую культуру». Об этом же он пишет и в брошюре для рабселькоров и военкоров.

Неутомимый обличитель мещанства в прошлом, мятежник, поднимающий бунт против грязной и подлой действительности, – М. Горький выдвигает на первый план проповедь труда, воспитание воли к жизни, пафос строительства новых форм, «… проповедь эта необходима, если мы действительно не хотим возвратиться к мещанству, и далее – через мещанство – к возрождению классового государства, к эксплуатации крестьян и рабочих паразитами и хищниками».

«Настоящее искусство [13] , – пишет М. Горький, – возникает там, где между читателем и автором образуется сердечное доверие друг к другу».

Да, писатель – это не воробей, перепархивающий с ветки на ветку – от темы к теме и с одного читательского плечика на другое. Его дело не ограничивается тем, что, по меткому

выражению Щедрина, «писатель пописывает, а читатель почитывает». (Кстати, это следует запомнить и многим издательствам, которые, с одной стороны, очень уж падки на так называемую «читабельную» макулатуру, а с другой – вместо помощи начинающим писателям сплошь и рядом безвыходно зажимают их в железные клещи.) От Щедрина до наших дней утекло много воды, и наше время еще более расширило задачи писателей, читателей и издательств.

Писатель должен повысить… активное отношение читателей [14] к жизни, внушить им уверенность в их силе, в их способности победить и в самих себе и вне себя все то, что препятствует людям понять и почувствовать великий смысл жизни, огромнейшее значение и радость труда.

В этой живой связи писателя с трудовыми массами, рабочими и крестьянами, – залог силы писателя и, может быть, секрет неистощимой свежести в творческой работе самого М. Горького.

И неверно высказываемое кое-кем мнение, будто М. Горький обращается к писателям только одной половиной своего лица: «материнской лаской». Нет, при своей огромной требовательности М. Горький сугубо строг к собственному творчеству, такой же строгости он учит и других – как собственным примером, так и своими письмами.

В 1915 году он писал В. Ермилову, редактору журнала суриковского кружка «Друг народа» по поводу некоторых слабых авторов, представленных в его журнале:

«…напрасно вы их так легко [15] пускаете в среду заправских писателей. Вы их тем портите и будете нравственно отвечать за последствия… Отвлекать работников от обычной их работы ради дешевого успеха не стоит. Нехорошо развивать в них самообольщение – это их унижает».

Приблизительно в таком же роде писал он по поводу журнала «Жернов»:

«…„Жернов“ ставит целью своей „широкое культурно-просветительное обслуживание крестьянских масс“, но у него нет ни сил, ни уменья, ни знаний для этой ответственной работы… „Жернов“ преследует задачу „указывания путей к творчеству писателям из крестьян, делая это с помощью самих же крестьянских писателей“. Слова: „указывание путей к творчеству“ – лишены смысла, а просто – малограмотная фраза. Указывать надо не „пути к творчеству“, а – как нужно работать. Но именно этого журнал и не указывает, да и не может указать. Как и чему могут учить друг друга люди, которые, прежде всего, сами должны учиться? Стихи и проза, печатаемые „Жерновом“, очень плохи во всех отношениях».

«…Необходима серьезнейшая и жестокая критика материала, предлагаемого редакции».

М. Горький не замазывает промахов, он правдив, указывает с прямотою на ошибки, хотя в то же время, в силу своей натуры, благожелательно смягчает чем-нибудь письмо.

Но даже мелкие, на первый взгляд, ошибки имеют, по его мнению, большое значение, потому что они «нарушают правду искусства».

Как из отдельных звеньев образуется цепь, так отдаленные временем советы и указания М. Горького разным авторам составляют одно неразрывное целое, дополняя и объясняя друг друга. Понятно теперь, почему М. Горький как художник не мог не придавать громаднейшего значения литературной технике, учебе. Еще в 1914 году он писал в предисловии к «Сборнику пролетарских писателей»:

«Мне думается, что хорошо бы создать для писателей-самоучек периодическое издание, которое поставит себе целью изучение литературной техники – главного, чего недостает писателю из народа. В этом издании нужно печатать популярные статьи о стиле, об языке, о формах построения рассказа, романа, драмы, о законах стихосложения и т. д.

Тут же следовало бы давать образцовые и подробные критические разборы произведений писателей-самоучек – как со стороны технической, так и со стороны содержания».

Эта мечта М. Горького, неосуществимая в дни царизма, начинает осуществляться теперь. Пролетарскими и крестьянскими организациями настойчиво проводится в жизнь лозунг: «учеба, творчество, самокритика». Было бы очень желательно использовать возможно полнее в кипящей работе пролетарского и крестьянского коллектива, в творческом пробуждении страны тот драгоценный, громадный, накопленный годами опыт, какой имеет М. Горький.

Работе над словом М. Горький придавал огромное значение. «Понять значение языка [16] – это много, это радует», – писал он. В книжке для рабселькоров и военкоров он рекомендует работать над слогом, используя материал народного языка, особенно пословицы. Своим сильным, выразительным языком он говорит: «…сжимать слова [17] , как пальцы в кулак…»

Я не буду останавливаться на кампании, которую М. Горький поднял статьей о пользе грамотности. К нашему стыду, приходится на двенадцатом году революции долбить и долбить азбучные истины о грамотности, о культурности, – и кому же? авторам, уже составившим себе имя, которые в ослеплении головокружительным успехом, в легкомысленном литературном

чванстве пренебрегают учебой в той мере, как это надо.

Личный пример М. Горького и его указания говорят о том, какую настойчивую и упорную работу должен совершить над собой писатель, относящийся действительно с уважением к этому званию.

Кончаю. Когда-то и я тоже обращался за советом к М. Горькому и писал ему на остров Капри. Он дал мне обстоятельный ответ и свое письмо закончил словами – как будто двутесными гвоздями забил (не нахожу другого подходящего выражения):

«Что бы вас ни опрокидывало, не поддавайтесь».

Крепко сказано! На всю жизнь остались у меня в памяти эти слова.

Вот именно к этому, если так можно выразиться, «самоутверждению писателя» зовет М. Горький. «Уже и маленькая победа над собою, – пишет он рабселькорам и военкорам, – делает человека намного сильнее. Вы знаете, что, тренируя свое тело, человек становится здоровым, выносливым, ловким, – так же следует тренировать свой разум, свою волю».

Великое дело творил и творит Алексей Максимович Пешков – Максим Горький. Большому вопросу о его работе с начинающими писателями, о его влиянии в литературе должны быть посвящены целые книги, специальные исследования, какие, например, есть о Л. Н. Толстом, В. Г. Короленко. Это нужно всем нам, писателям, а особенно это нужно творчески растущему молодняку.

...

1929

Примечания

1

Максим Горький и начинающие писатели. Статья датируется по первой публикации. Впервые напечатана в журнале «Земля Советская», № 1, ЗИФ, М. 1929. Печатается по тексту этого издания. Цитаты из статей М. Горького проверены редакцией по тексту: М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Гослитиздат, М. 1953, т. 24. В тексте приводятся цитаты из «брошюры» Горького, написанной для «рабселькоров и военкоров» – автор имеет в виду статью «О том, как я учился писать».

2

«Пробуждением истинного интереса к литературе…» – «М. Горький в Н.-Новгороде», юбилейный сборник, изд-во

«Никитинские субботники», М. 1923, стр. 206.

3

«За время 1906-10 годов…» – «О писателях-самоучках», М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Гослитиздат, т. 24, стр. 99-100.

4

«За время 1906-10 годов…» – «О писателях-самоучках», М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Гослитиздат, т. 24, стр. 106.

5

«За время 1906-10 годов…» – «О писателях-самоучках», М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Гослитиздат, т. 24, стр. 109 (в примечании).

6

«В истории мировой литературы…» – «О Горьком – современники», изд-во Москов. т-ва писателей, 1928, стр. 86.

7

«Сам выйдя из того ада…» – Боровский В. В., Соч., т. II, Соцэкгиз, 1931, стр. 200.

8

«… стремится усилить волю человека…» – «О том, как я учился писать», М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Гослитиздат, т. 24, стр. 471.

9

«Активная ненависть… уважение писателя к человеку…» – «О пролетарском писателе», там же, стр. 332–333.

10

«…факты жизни и литература…» – «О том, как я учился писать», там же, стр. 488.

11

«…я говорю не о талантах…» – «О писателях-самоучках», там же, стр. 121.

12

«…довольно успешно начинает…» – «О том, как я учился писать», там же, стр. 476.

13

«Настоящее искусство…» – «Предисловие» [к «Сборнику пролетарских писателей»], там же, стр. 171.

14

«…активное отношение читателей…» – «О пролетарском писателе», там же, стр. 333.

15

«…напрасно вы их так легко…» – журнал «Друг народа», № 8-9-10, 1915, стр. 16. Слова Горького, приводимые в цитате, были им высказаны в беседе с В. Ермиловым, а не в письме к

нему, как указывает Богданов.

16

«Понять значение языка…» – «О писателях-самоучках», М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Гослитиздат, т. 24, стр. 115.

17

«… сжимать слова…» – «О том, как я учился писать», там же, стр. 493.